

ВВЕДЕНИЕ

Неминуемо будут проходить Амуром
Российские суда с потребною обороной
от помешателей.

РГАДА. Ф. 248. Он. 113. Д. 485 а. Л. 865

В XVI–XVII веках Российская империя активно расширяла свои границы, присоединяя огромную территорию Сибири с помощью свободолюбивого социального контингента первопроходцев, которые осуществляли колонизацию региона, создавали условия для дальнейшего его освоения и изучения в восемнадцатом столетии, занявшем особое место в отечественной истории, науке и культуре. Это время, названное эпохой Просвещения, было периодом грандиозных свершений и географических открытий. В XVIII в. были организованы первые научные и культурные учреждения: общедоступный отечественный музей — Кунсткамера (1714), Петербургская Академия наук и Академический университет (1724), Московский университет (1755), театр (1750–1756), периодическая печать (1703).

Петр I интересовался мировыми научными достижениями, всеми силами старался повысить культурный уровень России и не отставать от более развитой тогда Европы. Он мечтал обладать точными географическими, историческими и этнографическими знаниями не только о Российской империи, но и о соседних странах [Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана... 1984: 33]. Для этого нужно было проводить этнографические, географические, геодезические, экономические и другие исследования. Воплощая мечты первого русского императора в реальность, работали Камчатские экспедиции 1724–1730 и 1733–1743 гг.

Русские исследователи (а через их научные материалы и европейские ученые) познакомились с природой, животным миром и народами Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки. Постепенно создавалась русская картография Сибири XVI–XVIII веков. Считается, что наиболее ранний русский географический чертеж Сибири создан в 1667 г. в Тобольске, его принято называть Годунов-

ским (по фамилии стольника и воеводы П.И. Годунова) [Постников 2012: 17–18]. Рукописные копии Годуновской карты Сибири и Дальнего Востока, сохранились в атласах Сибири С.У. Ремезова. Первый русский географический атлас «Чертёжная книга всей Сибири», созданный в 1669–1701 гг. талантливым тобольским картографом Ремезовым (1642–1720), — важный этап развития геодезии в России [Батуев 2005: 105]. В нем были собраны практически все географические, исторические и культурные знания о Сибири того периода.

В 1708 г. в соответствии с планом реформ Петра I была образована Сибирская губерния с центром в Тобольске. До 1736 г. в состав Сибирской губернии входили Тобольская, Енисейская, Иркутская провинции, с городами Тобольск, Тюмень, Томск, Енисейск, Красноярск, Иркутск, Селенгинск, Удинск, Илимск, Нерчинск, с острогами Ильинский, Балаганский, с крепостями Камышевская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Омская. В нее входили и другие населенные пункты, а также Якутия и Камчатка. Затем в качестве самостоятельной единицы выделяется Иркутская провинция под руководством вице-губернатора, подчиненного непосредственно Сибирскому приказу. Сибирский губернатор управлял только Тобольской и Енисейской провинциями. Так было положено начало административному делению огромной Сибири на Западную и Восточную [ПСЗРИ. Т. 11. 1830: 20–31]. В 1764 г. Иркутская провинция получила статус губернии.

Первым сибирским губернатором стал М.П. Гагарин (1711–1719), впоследствии Сибирью руководили губернаторы, напрямую связанные с деятельностью Нерчинской экспедиции: Василий Алексеевич Мятлев (1753–1757) и Федор Иванович Соймонов (1757–1763).

Современные ученые оценивают отношение тогдашней российской власти к окраинам на основе методологической оппозиции «центр — периферия» [Алексеев, Зубков 2006: 18–19]. Взаимодействие культурно развитого центра и отсталой провинции (с ее природными богатствами, неизученными коренными народами) строились в XVIII в. по такой схеме: центр извлекал для себя не только ресурсы, но и культурные ценности, источники для дальнейшего развития естественных и гуманитарных наук. По важности результатов здесь на первом месте стоят Камчатские экспедиции.

В сентябре 1743 г. по высочайшему Ее Императорского Величества именному указу «до дальнейшего о ней рассмотрения» [Сенатский архив. Т. 9. 1901: 209; РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 110. 1743–1747 гг. Л. 1, 1 об. 7–13] была завершена работа Второй Камчатской экспедиции, производившей научные исследования на территории Сибири, у берегов Ледовитого и Тихого океанов. По ряду причин это сложное государственное мероприятие, приводимое в движение учеными, чиновниками, мореплавателями, военными, служащими, вспомогательным персоналом, было остановлено.

Группа сенаторов подготовила и подала на рассмотрение Елизавете Петровне документ, в котором была представлена история организации и деятельности Камчатских экспедиций: знаменитая инструкция Петра I от 23 декабря 1724 г. капитану флота Витусу Берингу (1681–1741) о начале первой экспедиции и поиске северо-восточного прохода, об исследовании Америки, о начале Второй Камчатской экспедиции по указу Анны Иоанновны от 14 апреля 1732 г., о маршрутах и отрядах экспедиций, о научных исследованиях.

Анализ документов показывает, что императрице Елизавете Петровне в сенатском докладе представили Вторую Камчатскую экспедицию в негативном свете. В частности, критиковались действия руководителя экспедиций В. Беринга. Указывалось на медлительность («*Многое время <...> походу в море не было*»), смерть многих участников экспедиции от голода и болезней. Подчеркивалось, что иркутская провинция испытывала непосильные финансовые, экономические, продовольственные и демографические нагрузки, занималась продовольственным снабжением Камчатской экспедиции, предоставляла транспортные услуги. Из-за этого люди годами несли тяжелую службу, не видели своих семей, крестьяне питались травой и древесной корой, перевозили грузы для экспедиции на огромные расстояния (более 4000 верст), от Тобольска через Иркутск, Енисейск к Охотску и на Камчатку. Для транспортировки использовали лодки, лошадей, оленей, собак.

Общий вывод сенаторов был удручающим: научные результаты Камчатской экспедиции не соответствуют колоссальным финансовым затратам на нее («*Без всякого плода признаваются и сверх потребленного на ту экспедицию (кроме еще неизвестных провиантов и материалов и прочего отпусков) показанного ведомостью от Адмиралтейской коллегии невозвратного расходу 360 659 р.*»).

Сенат предложил послать указы А.И. Чирикову (1703–1748) и М.П. Шпанбергу (1700–1761) о прекращении «морских вояжей», а людей, привлеченных для работ в экспедиции, отпустить, продовольствие и материалы больше не предоставлять. *«И по таковым обстоятельствам по рассуждению Правительствующего Сената экспедицию, от которой Сенат ни малого плода быть не признавает, надлежит вовсе отставить».*

Прошло всего десять лет, и возникла идея о возобновлении Камчатской экспедиции, продолжении научных исследований в Сибири и на тихоокеанском побережье. Этот проект вошел в историю отечественной науки как Нерчинская экспедиция 1753–1765 гг. Ее не следует путать с Нерчинской горной экспедицией, которая была образована в 1756 г. по предложению директора Монетной канцелярии И.А. Шлаттера (1708–1768) и занималась в основном добычей руд и драгоценных металлов [ПСЗРИ. Т. 14. 1830: 538–546]. В январе 1787 г. Екатерина II издала указы о передаче Нерчинских заводов и Нерчинской горной экспедиции в ведение Кабинета Е.И.В. [ПСЗРИ. Т. 22. 1830: 787–789].

Что же послужило причиной организации Нерчинской экспедиции в качестве возобновления Второй Камчатской?

Некоторые современники этих событий высказывали достаточно критические точки зрения по поводу экономической и научной рациональности Второй Камчатской экспедиции. Так, Ф.И. Соймонов (1692–1780) решительно критиковал ее результаты, считая, что экспедиция истратила огромные финансовые средства из казны, но принесла мало научных открытий [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 268/2. Л. 73, 77]. Имеются и другие подобные мнения, отраженные, например, в рапортах капитана-лейтенанта В.И. Казанцева от 1735–1736 гг. [Вторая Камчатская экспедиция... 2009: 193–194, 362, 640–642 и др.].

Проект по возобновлению Камчатской экспедиции в середине XVIII в. подвергся критике со стороны князя М.М. Щербатова (1733–1790), который был убежден, что граф и сенатор П.И. Шувалов (1711–1762), возобновляя научные изыскания в Сибири и на Тихом океане, исследования судоходности Амура, условий для развития хлебопашества в Забайкалье, заботился не о пользе государства, а о пополнении личной казны [Щербатов 1859: 13–14, 33–34].

Известный отечественный ученый А.И. Андреев (1887–1959) основными причинами возобновления Камчатской экспедиции

считал ее колоссальные научные материалы по географии, картографии, геодезии, зоологии, ботаники, актуальные для развития вулканологии, этнографии и других научных дисциплин, а также экономическую выгоду (с учетом огромного количества пушнины, привезенной из Сибири и тихоокеанского побережья) [Андреев 1948: 51].

Историк А.Л. Истомин в качестве мотивов организации Нерчинской экспедиции 1753–1765 гг. указывает на важность сбора географических данных, закрепления за Россией новых земель, выгодных в промысловом отношении [Истомин 1997: 197–199].

Нерчинскую экспедицию 1753–1765 гг. часто называли «секретной», «секретной комиссией», в связи с существовавшими тогда проблемами разграничения сибирских и дальневосточных территорий между Россией и Китаем по р. Амур. Организаторы и участники экспедиции должны были тщательно скрывать свои истинные цели и планы по развитию судоходства по Амуру.

Экспедиция осуществляла геодезические, гидрографические, экономические и другие научные исследования под руководством Ф.И. и М.Ф. Соймоновых, П. Бегунова и других в 1753–1765 гг. в бассейнах р. Амур, Аргунь, Ингода, Нерча, Хилок, Шилка¹. В ее задачи входило судостроительство на р. Хилок, открытие в Сибири школ по обучению сибирских людей навигации и геодезии; направляясь к месту дислокации экспедиции, ее руководитель Ф.И. Соймонов запланировал строительство маяка на озере Байкал [Колодтило 2004: 23].

¹ Амур — одна из наиболее крупных рек на востоке России. Длина от истока Аргуни почти 4,5 тыс. км. Впадает Амур в Татарский пролив Охотского моря. В верхнем течении Амур протекает преимущественно в узкой долине, устье с обширной поймой, многочисленными протоками и островами. От слияния р. Шилки и Аргуни и почти до устья Уссури по Амуру проходит граница между Россией и Китаем. Аргунь берет начало в Китае. По территории России ее длина более 1200 км. Р. Ингода и Онон, сливаясь, образуют Шилку. Почти на всем своем протяжении (700 км) Ингода течет в узких ущельях, между хребтами Яблоновым и Черского. В настоящее время ниже Читы Ингода судоходна для небольших судов. Река Нерча длиной почти 600 км. Шилка (длиной более 500 км) имеет горный характер. Хилок (850 км) — правый приток Селенги. Хилок вытекает из оз. Арахлей, протекает через оз. Шакшинское, протокой соединен с оз. Иргень [Словарь географических названий СССР. 1983: 13, 16, 94, 170, 267, 285].

Питание у перечисленных рек Забайкалья в основном дождевое. Особенность такого водного режима связана с некоторыми драматическими событиями экспедиции, с большой разницей в результатах гидрологических изысканий геодезистов.

Река Хилок имела важное географическое и этнокультурное значение и в более раннее время. Так, один из первых сибирских воевод А.Ф. Пашков (? — 1664/1665) считал, что название «Хилок», «Килок», «Килка» означает границу между мирными и немирными народами. Ясачные тунгусы (мирные) жили на севере, «у *соболинов и у рыбново промыслов*». А мунгалы¹ и брацкие (немирные) кочевали на юге [Сборник документов по истории Бурятии XVII в. 1960: 204–205].

В организации и деятельности Нерчинской экспедиции принимали участие Императорская Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге, Правительствующий Сенат, Адмиралтейств-коллегия, Морской Шляхетный Кадетский корпус и другие учреждения. Большую роль в этом процессе сыграли сенатор граф П.И. Шувалов, сибирские губернаторы Василий Алексеевич Мятлев (1694–1761) и Федор Иванович Соймонов, иркутский вице-губернатор Иван (Израиль) Петрович Вульф, селенгинский комендант, командир Якутского полка, бригадир Варфоломей Валентинович Якоби (1693–1769).

В 1753 г. с проектом о необходимости возобновления Камчатской экспедиции в Сенате выступил граф П.И. Шувалов [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 2–4, 58–61 и др.]. Его деятельность как изобретателя и патриота, связанная не только с организацией Нерчинской экспедиции, но и с оборонными и экономическими интересами России, по достоинству оценена учеными [Андрияйнен 2011: 116–117; 2007]. Подчеркивая важность своего предложения, Шувалов напомнил в июне 1753 г., что именно Петр I 23 декабря 1724 г. написал инструкцию для отправляющегося в экспедицию В. Беринга для снискания успеха и славы в неизведанных землях [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 1–3]. Камчатской экспедицией «*великий капитал в водных бобрах с Берингова острова получен*», но она вынужденно остановлена решением Сената из-за неспособности снабжать ее припасами. «*Мне же [Шувалову] <...> для возобновления Камчатской экспедиции рассуждается поручить ему, губернатору*

¹ Мунгалы, мунгалыцы — устаревшее название монголов.

[В.А. Мятлеву], стараться от способнейших пред прежним провозах и протчих потребностях».

В научную задачу экспедиции обязательными пунктами входили геологические изыскания, поиск различных руд и минералов, открытие новых территорий:

«Более о неизвестных сторонах открытость получить, а от обретенных пользоваться» [Сенатский архив. Т. 9. 1901: 93–94].

Этнографические и демографические задачи состояли во включении всех коренных сибирских народов, не имевших своей государственности и не являвшихся подданными других стран, в подданство российского государства и обложение их налогом [Сенатский архив. Т. 9. 1901: С. 206].

Сибирские заводы должны были изготавливать необходимые для экспедиции железные инструменты и различное оборудование, как для проведения научных исследований, так и для строительства судов.

Адмиралтейств-коллегия должна была выделить для экспедиции мастеровых людей, плотников, парусников, конопатчиков и других специалистов [Сенатский архив. Т. 9. 1901: С. 212–213; РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 73. Л. 7–9, 47–49 и др.].

Были даны указания иркутскому вице-губернатору И. Вульффу,

«которому во всем для той экспедиции потребном поддержать и наставлениям его ген. лейтенанта и исправлять секретно особою комиссией не мешая с губернскими делами, и что чиниться будет поблизости к Нерчинскому уезду» [РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 76. Л. 93 об. — 94].

Вульф должен был оказывать немедленную помощь Нерчинской экспедиции в проезде ее членов, в провозе грузов и т.п. Подобным образом Тобольская, Иркутская и прочие сибирские канцелярии должны были выделять все требуемое для секретной экспедиции (подводы, лошадей, деньги на оклады и т.п.) и обязательно сообщать обо всех расходах и делах в Сенат и Сибирский приказ¹.

В разные годы в составе экспедиции числилось около 60 человек [Гольденберг 1966: 133–141; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а.

¹ Сибирский приказ функционировал с 1637 по 1763 гг.

Л. 368–375]. В декабре 1755 г. Сибирский губернатор В.А. Мятлев отправил представление в Сенат, в котором передал просьбу руководителя Нерчинской секретной экспедиции Ф. Соймонова о присылке в Нерчинск роты солдат с полным числом офицеров, а также для нужд членов этой экспедиции медикаментов.

«По справке <...> по секретно порученной мне от Высочайшеуправляющего Сената комиссии исправления в команде его Соймонова имеется ныне действительно морских, адмиралтейских и прочих служителей 57 человек» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 788–788 об.].

Разработка плана Нерчинской экспедиции была поручена новому губернатору Сибири, ген. лейтенанту В.А. Мятлеву. Указ от 28 декабря 1753 г. о немедленном вступлении В.А. Мятлева в должность сибирского губернатора поступил в Сибирский приказ. В нем, в частности, говорилось и о Нерчинской секретной экспедиции:

«Порученную ему экспедицию производить со всевозможным прилежанием к лучшей и высокой Е.И.В. интереса и пользе содержа все то в крайнем секрете особою комиссиею, не мешая с губернскими делами» [РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 76. Л. 93–93 об.].

Мятлев должен был обеспечить возможность открытия в Сибири навигационных школ по подготовке квалифицированных кадров для проведения экспедицией геодезических и гидрографических работ в бассейнах рек Ингода, Нерча, Шилка, Аргунь, Хилок. Если их глубина оказалась бы достаточной для судоходства, то экспедиция должна была построить несколько судов в верховьях Амура, а в его низовьях создать верфь для строительства военных, грузовых и торговых кораблей, крепость и военно-морскую базу. Это было необходимо для развития судоходства и доставки грузов по Амуру в Охотский, Удский и камчатские остроги, обеспечения дальнейшей колонизации Сибири [Сенатский архив. Т. 9. 1901: 206–208]. При этом строжайше запрещалось забирать земли у коренных оседлых ясачных и кочевых народов.

Правительствующий Сенат в июне, декабре 1753 г. обсудил и одобрил план В.А. Мятлева об организации работы секретной Нерчинской экспедиции с учетом особого мнения Коллегии иностран-

ных дел. Она настаивала на том, чтобы перед переговорами с Китаем о возможности прохода российских судов по Амуру нужно найти удобное место в Нерчинском уезде для строительства двух весельных судов. Если положительный ответ от Китая будет получен, то необходимо провести гидрографические исследования, чтобы узнать, смогут ли там проходить военные корабли. Попутно нужно было отмечать все места произрастания строевого леса, районы, годные для земледелия и колонизации русскими переселенцами [Сенатский архив. Т. 9. 1901: 210; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485а. Л. 58–59].

Для выполнения секретного проекта были назначены геодезисты из Петербурга и морские офицеры, проживавшие в сибирских городах после расформирования отрядов Камчатской экспедиции. В.А. Мятлев снабжался необходимыми приборами и картами:

«Какие имеются тамошним местам и рекам описания и ландкарты в Адмиралтейской коллегии и Академии наук из оных по требованиям его ген. лейтенанта сообщать, и к нему копии немедленно» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 60; Сенатский архив. Т. 9. 1901: 94–95].

Для этого по указам Сената и Адмиралтейств-коллегии копировались журналы и карты морских офицеров, участников Камчатских экспедиций. В качестве копиистов были выбраны штурманы Морского Шляхетского Кадетского корпуса, в том числе будущий активный участник Нерчинской экспедиции М.И. Татаринов. Если же оригиналов было несколько, то брался один из них без копирования. Для работы Нерчинской экспедиции было отобрано несколько десятков документов, охватывавших огромную территорию от Европейского севера до Северной Америки. Копии и оригиналы были отправлены Мятлеву в крепких ящиках, обшитых парусиной [РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 73. Л. 7–8, 15, 27, 37 и др.].

В.А. Мятлев предложил в качестве непосредственного руководителя Нерчинской экспедиции Ф.И. Соймонова:

«Бывший в морской службе Федор Соймонов, <...> его Соймонова, в команду к нему ген. лейтенанту и отправить с жалованием для такой дальнейшей экспедиции по 1000 рублей в год из доходов Иркутской провинции» [РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 76. Л. 94 об.].

В декабре 1753 г. указом Правительствующего Сената Ф.И. Соимонов по представлению сибирского губернатора В.А. Мятлева был назначен руководителем Нерчинской экспедиции [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 672].

Биографию Ф.И. Соимонова тщательно изучили отечественные историки [Берх 1833. Ч. 2: 148–158; Гольденберг 1966: 93–104, 133–141; 1979: 105–130; Колотило 2004: 17; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 85–86]. Соимонов — сподвижник Петра Великого — в 1708–1715 гг. получил прекрасное образование в Навигацкой школе в Москве и стал одним из первых русских гидрографов, исследовавших Каспийское и Балтийское моря. Впоследствии он занимал высокие должности: главного интенданта флота, вице-председателя Адмиралтейств-коллегии. В 1740 г. Соимонов был обвинен в антинемецком заговоре при дворе и как участник дела А.П. Волынского был сослан на каторгу в Сибирь. Помилование пришло от Елизаветы Петровны в 1741 г.

Благодаря содействию В.А. Мятлева в конце 1753 г. Соимонова назначили руководителем Нерчинской секретной экспедиции. В начале 1754 г. Соимонов отправился в Сибирь, где руководил экспедицией с 1754 по март 1757 г. 14 марта 1757 г. указом Е.И.В. Ф.И. Соимонов получил чин тайного советника и был назначен на пост губернатора Сибири. Копия Указа была прислана в Сибирский приказ

«Обретавшегося в команде ген. поручика Мятлева <...> Федора Соимонова в тайные советники и сибирские губернаторы с жалованием по две тысячи рублей <...> Оной Е.И.В. указ объявить ему Соимонову и к присяге привести в Тобольске и в Иркутске, где он, по порученной ему комиссии, в близости находится» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2572. 1757 г. Л. 1–3 об.].

С 1757 по 1763 гг. в качестве тайного советника и губернатора Сибири он всемерно укреплял могущество России, курировал различные проекты, не забывая и Нерчинскую экспедицию. Чтобы не допустить осложнений международных отношений с Китаем, запретившим в 1758 г. проход русских судов по Амуру, наиболее активные действия Нерчинской экспедиции были перенесены подальше от границы в Иркутск. Многие проблемы экспедиции решались и Тобольской секретной и о заграничных обращениях

комиссией, которой руководил сибирский губернатор Ф.И. Соимонов, но периодически ее возглавляли статский советник А. Колударов, товарищ губернатора И. Грабленов [Гольденберг 1979: 129–130; Артемьев 1996: 51–56; РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 76. Л. 150, 164; Д. 75. Л. 470–470 об., 476]. Историк русского флота В.Н. Берх (1781–1834) подчеркивал, что Ф. Соимонов еще в 1757 г. передал свою должность по руководству секретной комиссией о заграничных обращениях губернаторскому товарищу Ивану Грабленову [Берх 1833: 153–154]. В 1764 г. Соимонов вел научную переписку с Академией наук, с известным ученым Герардом Фридрихом (Федором Ивановичем) Миллером (1705–1783).

Сенат одобрил выбор Мятлева, так как Соимонов был хорошо известен как опытный мореплаватель, штурман, гидрограф и геодезист. С его помощью планировались гидрографические исследования не только на сибирских реках, но даже измерения морских приливов и отливов [Сенатский архив. Т. 9. 1901: 210–212; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 85 об.]. В начале организации Нерчинской экспедиции как проекта по возобновлению и продолжению Камчатских экспедиций задумывались комплексные научные изыскания в Тихом океане.

Таким образом, подготовка Нерчинской экспедиции происходила на высочайшем уровне, на обширной территории и с привлечением государственных, образовательных и научных учреждений, большого числа чиновников и специалистов. Постепенно стали появляться разнообразные документы, описания, справки, отчеты и публикации.

Источники, освещающие деятельность Нерчинской экспедиции хранятся в Российском государственном архиве древних актов, Санкт-Петербургском филиале архива РАН, Российском государственном историческом архиве, Российском государственном архиве Военно-морского флота. В этих материалах сосредоточена информация об организации и ходе Нерчинской экспедиции, геодезических исследованиях в верховьях Амура и окрестностях озера Байкал, поиске в Нерчинском уезде земель, подходящих для выращивания зерна и переселения крестьян, строительстве транспортных судов, судоходстве на Байкале и постройке там маяка, проблемах перевозки грузов и пограничных конфликтах на российско-китайской границе, отношениях между членами экспедиции [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485. 21 л.; Д. 485 а. 932 л.; Д. 485 б. 94 л.;

Д. 522. 23 л.; Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. 329 л.; Ф. 248. Оп. 113. Д. 878. 45 л.; СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10 а. Д. 213. 4 л.; Оп. 10 б. Д. 121. 3 л.; Ф. 21. Оп. 3. Д. 307/39. 65 л.; Д. 268 / 1—4. 292 л.; Д. 268 / 1. 44 + 1 л.; Д. 268/2. 82 л.; Д. 268 / 3. 93 л.; Д. 268 / 4. 72 л.; Ф. Р. I. Оп. 51. Д. 24. 3 л.; Д. 21. 38 л.; РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 74. 259 л.; Д. 95. 106 л.; Ф. 1264. Оп. 1. Д. 472. 22 л.; Ф. 1264. Оп. 1. Д. 474. 4 л.; РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 73. 669 л.].

Наиболее ценными источниками являются материалы двух дел в РГАДА, озаглавленные «Нерчинская экспедиция», общим объемом более тысячи листов. Дела шиты в отдельные тома, имеют сквозную нумерацию и оглавление. В данном источнике освещаются события середины XVIII в., связанные с организацией и деятельностью экспедиции: копии императорских указов, распоряжений Сената, Адмиралтейской коллегии, рапорты чиновников, конкретные описания экспедиционных мероприятий [Березницкий 2013 д: 295—300].

Впрочем, огромный объем материала радует исследователя только сначала, потому что в деле часто встречаются дублирующие друг друга документы, иногда информация о конкретном событии копировалась переписчиками при прохождении указаний от вышестоящих учреждений к подчиненным. В других делах хранится информация о развитии хлебопашества в Нерчинском уезде, событиях на российско-китайской границе, сложных отношениях Ф.И. Соймонова и М.И. Татаринова [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485. 21л.; Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. 932 л.; Д. 485 б. 94 л.; Д. 522. 23 л.; Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. 329 л.].

В СПФ АРАН информация о Нерчинской экспедиции существует в виде отдельных документов, переписки Ф.И. Соймонова с Г.Ф. Миллером. Есть она и в отчетах об астрономических исследованиях М.И. Татаринова в 1761 г. Часть материалов о вкладе Татаринова в астрономические наблюдения записана на латыни и хранится в делах астронома Н.И. Попова [СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10 а. Д. 213. 4 л.; Оп. 10 б. Д. 121. 3 л.; Ф. 21. Оп. 3. Д. 307 / 39. 65 л.; Д. 268 / 1—4. 292 л.; Д. 268 / 1. 44 + 1 л.; Д. 268 / 2. 82 л.; Д. 268 / 3. 93 л.; Д. 268 / 4. 72 л.; Ф. Р. I. Оп. 51. Д. 24. 3 л.; Д. 21. 38 л.].

В РГИА имеется переписка Ф.И. Соймонова (как руководителя Нерчинской экспедиции и сибирского губернатора), связанная в основном с проблемами переселенцев разных сословий в Нерчинский уезд, каторжан, с вопросами развития хлебопашества. Здесь

хранится и переписка различных ведомств (Нерчинского горного начальства, Нерчинских заводов и т.п.), имеющая прямое или косвенное отношение к Нерчинской экспедиции [РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 74. Л. 97, 190–193, 196 и др.; Д. 95. Л. 3–8, 11 и др.; Ф. 1264. Оп. 1. Д. 472. Л. 4–5; Д. 474. 4 л.].

В РГА ВМФ наиболее близко исследуемой теме соответствует дело объемом почти 500 листов о Нерчинской экспедиции как проекте по возобновлению Второй Камчатской экспедиции. Хронологически материалы охватывают период с 1752 по 1761 гг. [РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 73. 669 л.]. Однако некоторые документы идентичны рассмотренным выше материалам РГАДА.

Выдержки из архивных дел, имеющие отношение к Нерчинской экспедиции, опубликованы в сборниках документов [Русская Тихоокеанская эпопея 1979: 155–159, 496–498; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана... 1989: 345–349, 355, 366] и некоторых трудах XIX–XXI веков.

Отдельного издания, посвященного Нерчинской экспедиции, нами не обнаружено. Различные аспекты ее деятельности, роль наиболее известных организаторов и участников кратко освещались в научных и популярных публикациях, статьях и тезисах, энциклопедических справках.

Так, в 1830-х годах известный отечественный историк флота В.Н. Берх опубликовал серию работ о знаменитых российских адмиралах и при описании биографии Ф.И. Соймонова кратко упомянул о его руководстве Нерчинской секретной экспедицией и Тобольской секретной и о заграничных обращениях комиссией [Берх 1833. Ч. 2: 148–158].

В середине XIX в. было опубликовано эссе патриотически настроенного князя М.М. Щербатова (1733–1790). Он упомянул о деятельности Нерчинской экспедиции, когда писал о том, что по всей Сибири, и в частности в районе рек Шилка, Аргунь, Амур, очень мало русских крепостей, застав и гарнизонов, что особенно опасно вблизи китайской границы [Щербатов 1859: 13–14, 33–34]. Щербатов отметил стратегическое положение Нерчинского уезда, возможность строительства кораблей на реке Шилке для дальнейшего плавания по Амуру с выходом в Охотское море и Тихий океан для торговли с Индией. По мнению князя, приобретение и освоение бассейна реки Амур стало бы важным фактором усиления могущества Российской империи.

Историк военно-морского флота А.С. Сгибнев (1826–1881) опубликовал в 1860–1870 годах ряд очерков, посвященных проблемам организации первых сибирских школ, где представители разных сословий изучали навигацию, геодезию, морское и штурманское дело в связи с деятельностью Нерчинской экспедиции. Ценность работ Сгибнева заключается в том, что они во многом базируются на архивных материалах, часть которых впоследствии была утрачена. Сгибнев высоко оценил преподавательские и административные заслуги члена Нерчинской экспедиции, штурмана М.И. Татаринова, который обучал и экзаменовал геодезистов в Тобольской и Иркутской школах, руководил морской частью адмиралтейства и занимался судоходством на Байкале [Сгибнев 1866: 6, 9, 26–31; 1870: 70–79, 82–83].

Имя Г.И. Невельского (1813–1876) известно прежде всего тем, что во многом благодаря его настойчивости и мужеству Россия в середине XIX в. смогла окончательно включить в свою территорию Приамурье. Русский адмирал и путешественник доказал судоходность Амура и его стратегическое значение для нашей страны. Не менее важный вклад в отечественную науку Невельской внес исследованиями истории, гидрографии, этнографии, географии низовьев Амура и Сахалина, находясь во главе Амурской экспедиции (1849–1855). В своей книге он описал историю освоения Россией Амура, подчеркнул заслуги сибирского губернатора В.А. Мятлева и селенгинского коменданта В. Якоби в организации в середине XVIII в. продовольственного снабжения из Нерчинского уезда острогов на побережье Охотского моря и Камчатке [Невельской 1878: 22–26].

Известный отечественный архивист, специалист по истории отечественной науки В.Ф. Гнучева (1890–1942) ввела в научный оборот огромное количество архивных источников, освещающих деятельность российских ученых, академических учреждений и экспедиций XVIII–XIX веков. В работе 1940 г. Гнучева отметила участника Нерчинской экспедиции штурмана М.И. Татаринова как собирателя различных предметов для Академии наук: красной и синей земли, «каменного масла» и т.п. [Материалы для истории экспедиций... 1940: 88].

Источниквед и историограф Камчатских экспедиций, специалист по истории отечественных географических открытий, автор сотен трудов А.И. Андреев в предисловии к сборнику докумен-

тов по этой проблематике, вышедшем в свет в 1948 г. анализировал некоторые публикации, освещающие деятельность Нерчинской экспедиции и ее руководителей [Андреев 1948: 51–56].

Наибольший вклад в историографию проблемы внес широко известный отечественный историк и источниковед Л.А. Гольденберг (1920–1989), который главной целью поставил всестороннее освещение жизни и государственной деятельности отца и сына Соймоновых — Федора Ивановича (1692–1780) и Михаила Федоровича (1730–1804). Для раскрытия темы Нерчинской экспедиции наиболее важной частью работ Л.А. Гольденберга является та, в которой высоко оценена деятельность Ф.И. Соймонова как добросовестного и профессионального руководителя этого проекта (1753–1757) и сибирского губернатора (1757–1763). Гольденберг собрал и проанализировал архивные материалы об этапах экспедиции, роли и научных достижениях ее участников [Гольденберг 1966: 131–145; 1973: С. 9–15; 1979: 105–130]. Написание истории Восточной Сибири середины XVIII в., истории русской геодезии без использования трудов Л.А. Гольденберга невозможно.

В монографии петербургской исследовательницы Н.И. Невской «Никита Иванович Попов» на основе тщательного анализа и перевода текстов с латыни описаны астрономические исследования в Сибири российского астронома Н.И. Попова (1720–1782) [Невская 1977: 73, 74, 78, 79 и др.]. Он руководил экспедицией, наблюдавшей редкое астрономическое явление — проход Венеры через диск Солнца. Особое внимание Невская уделила вкладу геодезиста, члена Нерчинской экспедиции М.И. Татарина, который принял временное, но активное участие в этих наблюдениях.

Отечественный историк и востоковед Е.Л. Беспрозванных в книге «Приамурье в системе русско-китайских отношений» осветил период российско-китайских отношений в XVII–XIX веках: тяжелое продовольственное положение русских переселенцев на Дальнем Востоке в середине XVIII в., отсутствие дорог для доставки грузов на восточную окраину империи [Беспрозванных 1983: 155–165, 176]. Наибольшая ценность данной работы для раскрытия указанной темы заключается в том, что Беспрозванных показал взаимосвязь международных проблем с приостановлением хода Нерчинской экспедиции в результате отрицательного отношения китайских властей к возможности плавания российских судов по р. Амур.

Историк А.Л. Истомин кратко обобщил данные о двух попытках возобновления Второй Камчатской экспедиции в 1750–1760-х гг. [Истомин 1997: 197–199]. Первая — это известный уже проект возобновления экспедиции, выдвинутый П.И. Шуваловым и разработанный В.А. Мятлевым. Вторая существовала лишь в виде планов Ф.И. Соймонова, которыми он делился в переписке с Г.Ф. Миллером.

А.Р. Артемьев (1958–2005) посвятил много трудов комплексному исследованию освоения русскими первопроходцами Сибири и Дальнего Востока [Артемьев 1998: С. 6–44; 1999]. В статьях об истории Нерчинского острога Артемьев анализировал основные моменты, связанные с Нерчинской экспедицией, деятельностью П.И. Шувалова, В.А. Мятлева, Ф.И. Соймонова, возможными причинами ее останова [Артемьев 1995: 90–117; 1996: 51–56]. Главное достоинство этих работ заключается в том, что Артемьев опубликовал результаты руководимой им археологической экспедиции, собравшей важные артефакты: нательные кресты, российские и маньчжурские монеты, бытовые вещи и орудия труда, которыми пользовались люди в районе действия Нерчинской экспедиции в середине XVIII столетия.

М.В. Кузнецова успешно занимается изучением истории высшего и специального образования в Сибири, конкретно — в Иркутской области, Иркутске и Нерчинске [Кузнецова 1992: 13–16; 1994: 28–30; 1998 а: 45–54; 1998 б: 28–30; 1999: 46–48; 2002: 13–21; 2005: 30–38]. Она подробно рассмотрела этапы становления и развития сибирской геодезии, картографии и востоковедения, выявила степень влияния образовательных учреждений на культурное пространство и менталитет сибиряков, показала роль выпускников Навигацкой и других школ для освоения Россией Сибири и Дальнего Востока. Особое внимание Кузнецова уделила рассмотрению исследовательской и преподавательской деятельности штурмана М.И. Татаринова — участника Нерчинской экспедиции.

Военный моряк и ученый Л.Г. Колотило в монографии 2004 г. «Военные моряки Байкала», высоко оценил деятельность русских морских офицеров, гидрографов, геодезистов на Байкале, уделил должное внимание штурману М.И. Татаринову, показал этапы его жизненного пути, карьерного и профессионального роста, достижения в научных исследованиях и преподавательской деятельности [Колотило 2004: 15–23].

Службу на флоте Михаил Татаринов начал в 1739 г. в звании штурманского ученика. Через четыре года он стал подштурманом, а в 1744 г. получил чин штурмана и состоял гидрографом при адмирале С.И. Мордвинове. При организации Нерчинской экспедиции Татаринов как опытный штурман и гидрограф был зачислен в ее штат и отослан в 1754 г. в Иркутск. В 1754 г. по указу Правительствующего Сената в Иркутске создается адмиралтейство, в подчинение которому и поступала Байкальская военная флотилия. Первым начальником Иркутского адмиралтейства и Байкальской военной флотилии стал штурман Татаринов, 30 лет прослуживший в этой должности до самой смерти в 1784 г.

В Иркутске Татаринов занимался обучением морским наукам казачьих детей, с 1756 г. стал заведующим Иркутской навигационной школой. Кроме того, много усилий он прилагал для развития Иркутского адмиралтейства, для геодезических описаний в Нерчинском уезде. Впоследствии Татаринов составил планы Нерчинска, Селенгинска, Иркутска. В 1768 г. новый губернатор Сибири Д.И. Чичерин (губернатор 1763—1781) ходатайствовал о присвоении Татаринову капитанского звания. За успехи на ниве образования в 1776 г. Татаринов был произведен в чин секунд-майора. Работа Татаринова «Описание Курильских островов» была опубликована в «Месяцеслове историческом и географическом» в 1785 г. уже после смерти автора. Важно, что Л.Г. Колотило пытается объективно разобраться в сложных отношениях Татаринова с руководителем Нерчинской экспедиции Ф.И. Соймоновым.

Директор Музея истории Иркутского технического университета О.А. Горощенова в монографии «От навигацкой школы к техническому университету» осветила многие факты из сибирской жизни руководителя Нерчинской экспедиции Ф.И. Соймонова и штурмана М.И. Татаринова, их несложившиеся отношения, процесс открытия и деятельности геодезических и навигационных школ в сибирских городах, подчеркнула огромную роль этих учебных заведений для повышения культурного уровня Сибири в середине XVIII в. [Горощенова 2009: 62—84].

Другие сибирские и дальневосточные авторы тоже собирали и анализировали материалы по интересующей нас проблеме: о штурмане М.И. Татаринове, проблемах обучения в Сибири геодезистов, судоходстве, коммуникациях в Байкальском регионе

и о других вопросах, прямо или косвенно относящихся к Нерчинской экспедиции.

Так, В.Г. Изгачёв (1908–1981) — ученый, краевед, преподаватель, специалист по истории Нерчинских сереброплавильных заводов XVIII в., кратко описал в одной из своих статей этапы развития Нерчинской навигацкой школы [Изгачев 1968: 67–70].

Известный исследователь культурных и образовательных институтов Сибири А.Н. Копылов писал о проблемах организации сибирских навигацонных школ, их снабжения инструментами и приборами в качестве необходимых пособий [Копылов 1974: 72–73 и др.].

О.Н. Катионов, много лет занимающийся проблемой коммуникаций в XVII–XVIII веках, указал важность картографических работ, проводимых в Сибири Нерчинской экспедицией [Катионов 2005: 105–106].

С.В. Белоглазова рассмотрела возникновение и развитие образования на территории Сибири, Дальнего Востока, Русской Америки за 150-летний (с XVIII до середины XIX в.) период, дала оценку роли в этом процессе деятельности Нерчинской экспедиции [Белоглазова 2006: 172–174].

Е.М. Кунжаров сделал исторический экскурс и справедливо показал важность открытия в XVIII в. сибирских навигацонных школ. Он высоко оценил работы А.С. Сгибнева за использование архивных материалов [Кунжаров 2008: 4–5, 7–9].

Автор данной книги опубликовал несколько статей, связанных с деятельностью не только Нерчинской экспедиции и ее отдельных представителей, но и с тем, что ей предшествовало [Березницкий 2012 а: 138–143; 2012 б: 183–192; 2013 а: 200; 2013 б: 366–370; 2013 в.: 160–168; 2013 г: 48–55; 2013 д: 295–300; 2014: 76–82].

Итак, настало время обобщения архивных источников, опубликованных документов и трудов исследователей, чтобы в комплексе представить всю глубину и грандиозность замыслов по организации Нерчинской экспедиции 1753–1765 гг., показать ее результаты и неосуществившиеся планы. Если бы не международные проблемы, данная экспедиция свершила бы еще не одно научное открытие. По результатам ее работы могли быть созданы военно-морские базы в Сибири и на Дальнем Востоке, что, несомненно, укрепило бы Россию.